

УДК 26.009

**ПРОБЛЕМА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ
И МУСУЛЬМАНСКИХ ХРАМОВ
В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНОГО УРАЛА
(XVIII – НАЧАЛО XX вв.)**

Д.Н. Денисов, кандидат исторических наук

Освоение Оренбургского края в 30–40-е гг. XVIII в. совпало с новым этапом государственно-церковной политики христианизации, началом массового крещения народов Среднего Поволжья. Однако на Южном Урале государство не могло в полную силу проводить ее из-за опасения башкирских восстаний, близости границы и слабости местной власти. Более того, оно было объективно заинтересовано в обеспечении добрососедских отношений, установлении экономических связей с народами Казахстана и Средней Азии, в привлечении татарских переселенцев для укрепления пограничной линии, хозяйственного освоения края и развития торговли, что вынуждало его идти на серьезные послабления в религиозной сфере. Не случайно привилегия, данная Оренбургу императрицей Анной Иоанновной 7 июня 1734 г., разрешала «в сем новом городе (...) Азиатским народам свободное содержание их вер, и Духовных персон и строение по своим законам» богослужебных зданий, если это не причиняло ущерба господствующей православной церкви¹. В качестве меры насильственной христианизации по сенатскому указу от 19 ноября 1742 г. было запрещено строительство мечетей в Казанской, Сибирской, Астраханской и Воронежской губерниях, но его действие не было распространено на южноуральский регион². Более того, именно Южный Урал в силу преобладающей доли мусуль-

манского населения, удаленности от основных районов миссионерской деятельности православной церкви в Поволжье был избран своеобразным полигоном для проведения экспериментов, отработки новых моделей взаимодействия государства с исламскими институтами. По указу императрицы Екатерины II от 8 июля 1782 г. за казенный счет в 1785 г. была построена мечеть на оренбургском Меновом дворе, где уже существовала православная Захарие-Елизаветинская церковь. Такое близкое соседство было призвано создать комфортные условия для отправления религиозных обрядов всеми участниками приграничной торговли, завоевать симпатии мусульман, продемонстрировать веротерпимость, равное отношение православного государства к представителям различных конфессий.

Особенности колонизации Южного Урала, активное участие российских мусульман в торговле со своими единоверцами из стран Востока, привлечение их государством к охране границ обусловили достаточно раннее формирование мусульманских общин в городах Оренбургской губернии, их совместное проживание с христианами во многих казачьих поселениях. В период проведения политики насильственной христианизации указами от 22 июня 1744 г., 23 августа 1756 г. и другими были заложены ограничения на строительство мечетей в населенных пунктах, где имелись новокрещенные тата-

ры, для того, чтобы предотвратить их возвращение в ислам³. На Южном Урале православное духовенство в отдельных случаях пыталось расширить действие этих норм применительно к новым условиям.

Так, в 1833 г. троицкие мусульмане получили разрешение возвести в городе 2-ю соборную мечеть. Весной 1834 г. на место прибыли подрядчик с бригадой строителей, были завезены необходимые материалы и заложен фундамент. Эти приготовления вызвали беспокойство священнослужителей расположенного на расстоянии 80 саженей православного Свято-Троицкого собора. Через коменданта крепости протоирей Петр Бирюков добился у городничего временного запрета на производство строительных работ. Христианское духовенство высказало опасение «соблазна греховного и отвращения ревностным поклонникам провозглашения азана» для своей паствы из-за близкого соседства с мусульманским храмом. Кроме того, оно полагало, что в случае сооружения мечети все ближайшие дома перейдут в руки богатых татар, и со временем православный собор окажется в окружении одних мусульман. Доверенный мусульманской общины г. Троицка, бухарский караванный начальник Искандер Бабаджанов обратился к оренбургскому военному губернатору В.А. Перовскому с просьбой возобновить постройку разрешенной на законном основании мечети, поскольку вынужденный простой мог повлечь до 5 тысяч рублей убытков за один строительный сезон. После рассмотрения обстоятельств дела Оренбургское губернское правление (ОГП) констатировало, что российское законодательство устанавливает ограничения на возведение мечетей лишь в местах жительства новообращенных в православие, но не распространяет их на города, в которых мусульмане проживают совместно со «старорусскими» людьми, «непоколебимыми в христианстве». Строго следуя букве и духу высочайшего указа императрицы Екатерины II от 17 июня

1773 г. о терпимости всех вероисповеданий и о запрещении православным архиереям вмешиваться в дела других конфессий, оно высказалось в поддержку возобновления строительства мечети. Тем не менее, из-за бюрократической волокиты соответствующее предписание было доведено до сведения коменданта и городничего Троицка только в ноябре 1834 г., когда первый строительный сезон уже был сорван⁴.

Впоследствии господствующая церковь все-таки получила действенный инструмент, который позволял учитывать ее интересы при решении вопроса о строительстве богослужебных зданий других конфессий вблизи православных храмов. На основании статьи 262 Устава строительного в редакции 1857 г. сооружение мечетей стало допускаться лишь там, где не могло «произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами» не только новокрещенных татар, но и христиан вообще. При рассмотрении ходатайств о постройке мусульманских храмов в смешанных населенных пунктах губернские власти были обязаны предварительно согласовывать этот вопрос с местным епархиальным начальством⁵. Разумеется, такие новеллы входили в противоречие с официально провозглашенным принципом веротерпимости и неоднозначно воспринимались даже в самих правительственных кругах. По инициативе Министерства внутренних дел уже высочайшим указом от 6 января 1862 г. это положение было отменено, а разрешение строительства мечетей полностью перешло в компетенцию гражданских властей⁶. Впрочем, при поступлении сигналов от епархиального начальства они зачастую вносили коррективы в первоначальные планы размещения мусульманских храмов по соседству с домами христиан или церквями.

Стараниями идеолога православного самодержавия обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева по высочайшему повелению от 10 октября 1885 г. прежний порядок был восстановлен в полном объеме⁷. Дозволение на постройку

иноверческих храмов в населенных пунктах, где совместно проживали мусульмане и православные, вновь стало выдаваться только при наличии письменного заключения об отсутствии возражений со стороны местного епархиального начальства. Проблема усугублялась тем, что в законах не было четкого критерия, на каком именно расстоянии от христианских церквей должны располагаться мечети, что открывало возможности для ущемления религиозных прав мусульманского населения.

Так, например, с прокладкой в 1885–1890 гг. Самаро-Златоустовской железной дороги, облегчившей переселенческое движение из центральных районов страны на Южный Урал, стремительно сформировалась мусульманская община в городе Златоусте Уфимской губернии, которая в 1899 г. устроила в наемном помещении молитвенный дом. В 1902 г. ее члены возбудили ходатайство о разрешении постройки полноценной соборной мечети с образованием самостоятельного прихода. Для возведения храма был присмотрено дворовое место площадью 630 кв. саженей в центре города, на углу Большой и Малой Немецких улиц (ныне, соответственно, ул. Ленина и Октябрьской). В декабре 1903 г. уполномоченный мусульман, крестьянин Губайдулла Валитов заключил с его владельцем горным инженером В.И. Покровским предварительное соглашение о покупке земельного участка за 4000 руб., уплатив задаток в 200 руб. Предполагаемое место постройки мечети отстояло от Римско-католического костела на 160 саженей, а от ближайшей православной церкви Трех святителей – на 390. Тем не менее, на запрос Губернского правления епископ Уфимский и Мензелинский Климент (Верниковский) 12 июня 1903 г. за № 6767 сообщил, что не возражает против сооружения мечети только на окраине города тогда, как Большая Немецкая улица относилась к историческому центру Златоуста. Позицию епархиального начальства активно поддержал местный уездный исправник, который доносил,

что «устройство тут мечети нежелательно в религиозных целях». Поэтому журнальным постановлением на 22 марта 1904 г. № 155 Уфимское губернское правление отклонило ходатайство мусульман. Златоустовской полиции было поручено объявить, что постройка мечети будет им разрешена только в том случае, «если место под нее будет приобретено на окраине, вдали от православных храмов»⁸. Технически это было сделать очень сложно, ведь городские окраины шли по утесам и косогорам Уреньгинского хребта, где большинство участков были маломерными, и потребовалось бы договариваться о покупке сразу с тремя-четырьмя владельцами.

Несмотря на отказ, доверенный Губайдулла Валитов продолжил настойчиво и умело отстаивать интересы златоустовской общины в государственных органах, приводя различные аргументы и апеллируя к закону в своих многочисленных прошениях и жалобах на имя уфимского губернатора от 9 марта, 4 мая, 19 августа 1904 г., 19 апреля и 5 мая 1906 г.⁹. Выяснилось, что главной причиной неудач было противодействие со стороны местного благочинного и настоятеля главного православного храма, протоиерея Николая Александровича Страхова. Церковно-приходское попечительство при Свято-Троицком соборе города Златоуста постановлением на 20 февраля 1903 г. наметило приобрести выбранный мусульманами участок на углу Большой и Малой Немецких улиц под постройку «богачельни для призрения стариков и старих и домово́й (...) церкви» при ней, однако запрошенная владельцем сумма в 4000 руб. оказалась слишком велика. Тогда Страхов предложил Валитову подарить земельный участок, намекая, что в этом случае он легко получит разрешение на постройку мечети в Уреньгинской части, по Большой или Малой Грамотушным улицам (ныне ул. В. Геппа), на беднейших окраинах, где проживала основная масса мусульман. Валитов ответил отказом, и дело застопорилось, поскольку епархиальное на-

чальство в своей позиции опиралось на донесения, получаемые от местного благочинного священника. Только либерализация государственной политики по отношению к неправославным конфессиям в годы Первой русской революции, связанная с изданием высочайшего указа об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и других законодательных актов, позволила златоустовским мусульманам реализовать их религиозные права. Указом Уфимского губернского правления от 25 октября 1907 г. № 5302 им, наконец, было разрешено возвести каменную соборную мечеть в городе Златоусте, на углу Большой и Малой Немецких улиц¹⁰.

Известны и другие случаи, когда строительные планы православной и мусульманской общин входили в противоречие. Например, в 1898 г. татарская часть жителей поселка 2-го Зубочистенского Оренбургского уезда и губернии поставила вопрос о разрешении постройки 2-й соборной мечети на окраине, где специально для этого были приобретены 3 земельных участка общими размерами 40 на 50 саженей. Однако наряду с мусульманами, которые составляли большинство, в поселке постоянно проживали 10 русских семей в количестве 39 человек. По малочисленности они не имели собственного храма и были вынуждены посещать церковь, расположенную в 5 верстах в станице Татищевской. Поэтому на запрос Оренбургского губернского правления епархиальное начальство уведомило, что на выбранном участке «желательнее было бы видеть» православную «часовню», хотя оно не возражает против сооружения мечети в любом другом месте поселка. Со своей стороны, мусульмане заявили, что не собираются добровольно уступать землю, на покупку которой затратили 55 руб., тем более, что к месту строительства уже были свезены заготовленные ими лесоматериалы и камень общей стоимостью 1050 руб. К тому же, православные семьи вообще не проживали компактно в

этом районе, а их дома были разбросаны по всему поселку. При наличии свободных площадей на окраинах не имело принципиального значения, где именно строить часовню, сбор средств на которую еще только начинался. С учетом этих обстоятельств 4 октября 1900 г. епархиальное начальство отказалось от своих первоначальных претензий. На основе его положительного заключения ОГП журнальным постановлением на 10 октября 1900 г. № 607 официально разрешило мусульманам начать возведение 2-й соборной мечети на выделенном участке земли¹¹.

При согласовании вопроса о строительстве мечетей в смешанных населенных пунктах епархиальные власти в отдельных случаях оговаривали, что они должны находиться на одной улице с православным храмом не ближе 100 саженей, а на другой улице — не ближе 50. Такое требование было установлено российским законодательством в отношении синагог и еврейских школ, но на практике применялось и к мусульманским богослужебным зданиям¹². Например, подобные оговорки были сделаны при разрешении постройки 5-й соборной мечети г. Орска в 1909 г., 2-й соборной мечети поселка Линевского в 1911 г.¹³ и т. д. Особое межведомственное совещание, проходившее 30 апреля — 16 мая 1914 г., официально распространило правила постройки еврейских синагог и молитвенных школ на вновь возводимые мечети в Российской империи¹⁴.

Однако зачастую епархиальное начальство, основываясь на докладах местных благочинных священников и миссионеров, ограничивалось формальным заключением о том, что открытие нового мусульманского храма не приведет к соблазну для христиан. И даже в тех редких случаях, когда такая угроза реально существовала, оно не всегда использовало предоставленные ему исключительные права. Так, после издания высочайшего указа об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 г. под влиянием му-

сульманской агитации из православия в ислам отпало большинство нагайбаков, проживавших в поселке Нежинском Оренбургского уезда и губернии. Хотя обязанностью епархиальных властей было возвращение старокрещеных татар в лоно православной церкви, отношением от 4 января 1907 г. за № 144 епископ Оренбургский и Уральский Иоаким (Левицкий) выразил согласие на постройку у них соборной мечети, которая расположилась всего в 25 саженях от домов христиан¹⁵. По-видимому, местная епархия просто решила не провоцировать конфликт между православной и мусульманской общинами, который мог бы расколоть жителей поселка и осложнить их совместное проживание.

Таким образом, законодательством Российской империи было закреплено исключительное положение православной церкви по отношению к другим конфессиям. В частности, в 1857–1862, 1885–1917 гг. разрешение на постройку мечетей в смешанных населенных пунктах выдавалось только при наличии письменного заключения местного епархиального начальства о том, что это не приведет к соблазну для проживающих совместно с мусульманами христиан. На практике обычно оговаривалось, что мечеть может находиться на одной улице с православным храмом не ближе 100 саженей, а на другой улице — не ближе 50. Однако отсутствие в законе четких правил на этот счет открывало возможности для ущемления религиозных прав мусульманского на-

селения. Тем не менее, на Южном Урале епархиальные власти не проводили единую линию на сознательное ограничение или запрещение строительства мечетей. Все немногочисленные конфликты возникали на низовом уровне по инициативе отдельных священнослужителей, мнение которых формировало позицию руководства по каждому конкретному случаю. Их возражения против строительства мечетей, близкого соседства православных и мусульманских храмов были вызваны не только земельными спорами, но и стремлением к сохранению патриархального уклада жизни, имевшего глубокую религиозную основу, к межкультурной сегрегации, обособленности, различными фобиями по отношению к носителям иной духовной традиции, например, опасениями того, что ход православного богослужения будет нарушаться мусульманскими обрядами (провозглашением азана, похоронными процессиями и т.д.).

В современных условиях притока на Южный Урал мигрантов из мусульманских регионов России и Ближнего Зарубежья, возрождения традиционных религий особую актуальность приобретает обеспечение мирного сосуществования представителей двух крупнейших конфессий, преодоление межкультурного отчуждения и налаживание конструктивного диалога по вопросам, требующим их совместного участия. Решение этих задач невозможно без осмысления исторического опыта, как негативного, так и положительного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). — 1-е собр. — Т. IX. — № 6584.

² Там же. — № 8664.

³ Там же. — Т. XII. — № 8978; Т. XIV. — № 10592

⁴ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 9779. Л. 44–45, 49–61 об.

⁵ Устав строительный // Свод законов Российской империи. — Изд. 1857 г. — Т. XII. — Ч. 1. — Ст. 262.

⁶ ПСЗ. — 2-е собр. — Т. XXXVII. — № 37834.

⁷ Загидуллин И.К. Правила строительства мечетей, как элемент реализации религиозных прав мусульман Волго-Уральского региона в XIX веке // Ислам и мусульманская культура в Поволжье: история и современность. Очерки. — Казань: Мастер Лайн, 2002. — С. 273.

⁸ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-295. Оп. 6. Д. 591. Л. 2–7, 17–18, 19, 39–39 об., 46–47 об., 58–59, 69.

⁹ Там же. Л. 48–49, 58–59, 73–73 об., 114–115, 118–118 об.

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 16521. Л. 22–22 об.

¹¹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4225. Л. 629–632 об.

¹² Устав строительный // Свод законов Российской империи. – Изд. 1900 г. – Т. XII. – Ч. 1. – Ст. 150.

¹³ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4237. Л. 429–429 об.; Д. 4239. Л. 299–299 об.

¹⁴ *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. – С. 82.

¹⁵ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4236. Л. 59–60.

Аннотация

В статье рассматриваются взаимоотношения православной церкви с мусульманскими общинами Южного Урала в XVIII – начале XX вв. по вопросам сооружения храмов в поликонфессиональных населенных пунктах. Автор прослеживает эволюцию законодательства Российской империи, согласно которому со второй половины XIX в. постройка мечетей в них стала разрешаться только с согласия епархиального начальства. Однако анализ практики приводит к выводу о том, что оно не использовало свои исключительные права для последовательного, сознательного ограничения строительства мечетей, а немногочисленные конфликты возникали по инициативе местного приходского духовенства, были связаны с земельными спорами и религиозными стереотипами.

Ключевые слова: ислам, православие, мусульмане, христиане, мечеть, церковь, Южный Урал.

Summary

The article deals with the relationship between the Orthodox Church and the Muslim communities of the South Urals in the XVIII – early XX century on the construction of temples in the poly-confessional settlements. The author traces the evolution of the legislation of the Russian Empire, under which the building of mosques in them has been solved only with the consent of the diocesan authorities since the second half of the XIX century. However, analysis of the practice leads to the conclusion that they did not use their exclusive rights for the consistent, deliberate restriction of construction of mosques. The few conflicts arose at the initiative of the local parish clergy and were linked to land disputes and religious stereotypes.

Keywords: Islam, Orthodox, Muslims, Christians, mosque, church, the Southern Urals.